

УДК 340.1

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МОРАЛЬНОГО И ПРАВОВОГО
В ВОПРОСАХ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
И ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ**
**Interaction of Morality and Law
in the Daily Routine and Administration of Justice**

НАЗАРОВ Илья Дмитриевич – аспирант кафедры философии и религиоведения Шуйского филиала Ивановского государственного университета (Шуя)

Nazarov Iliya D. – Post-Graduate Student of Philosophy and Religious Studies Department, Shuya Branch of Ivanovo State University (Shuya)

nazarov_37@mail.ru

МИГУШОВ Кирилл Алексеевич – аспирант кафедры философии и религиоведения Шуйского филиала Ивановского государственного университета (Шуя)

Migushov Kirill A. – Post-Graduate Student of Philosophy and Religious Studies Department, Shuya Branch of Ivanovo State University (Shuya)

yurnazarov@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос о сущности и взаимодействии социальных норм (права, морали) и судебного прецедента как основных инструментов отправления правосудия. Авторы пытаются установить критерий разграничения правовых и моральных доминант в рамках недифференцированных, синкретических поведенческих норм, имевших место на ранних этапах развития общества. В статье поддерживается мнение дореволюционных правоведов о понимании правовой нормы в качестве правового убеждения, принимая которое, авторы высоко оценивают деятельность судебной системы по формированию не установленных законодателем поведенческих норм через инструмент судебного прецедента.*

This article examines the nature and interaction of social norms (law, morality) and judicial precedent as the main instruments of justice. The authors try to establish the criterion for distinguishing legal and moral dominants within the undifferentiated, syncretic behavioral norms typical for the early stages of development of society. The article supports the view of the pre-revolutionary jurists who understood the legal norm as a juridical opinion, by accepting which the authors highly estimate the judicial system work on formation of behavioral norms not established by the legislator through the tool of judicial precedent.

Ключевые слова: право, мораль, судебный прецедент, правосудие, правовое убеждение.
Law, morality, judicial precedent, justice, juridical opinion.

DOI: 10.19073/2306-1340-2016-2-12-16

На современном этапе развития российского общества проблемы правосудия получают наибольшую теоретическую и практическую разработку. Формирование доктринальных новелл в области правосудия и активная работа судов высших инстанций, направленная на выработку и формулирование современных подходов к рассмотрению и разрешению различного рода дел, – все это свидетельствует о стабильном развитии данного общественно-правового явления. Тем не менее новейшие научные исследования ориентированы исключительно на изучение сущности, содержания, принципов правосудия [7–9] и не касаются вопросов о социальных нормах как основополагающих инструментах его осуществления. Такой подход неизбежно создает теоретический пробел по причине изучения лишь самого общественно-правового явления в отрыве от инструментов его осуществления. Забегая вперед, отметим, что исследование поставленного вопроса позволит нам по-новому взглянуть на сущность и содержание понятия правосудия.

Научные разработки в области социальных норм в нашей стране имеют свою историю. Так, рассмотрением данного вопроса в разное время занимались виднейшие представители юридической науки (Г. Ф. Шершеневич, Н. М. Коркунов, Б. Н. Чичерин, Б. А. Кистяковский и др.), однако проблематика возникновения и формирования первоначальных поведенческих норм была исследована лишь в конце 70-х гг. XX в. в рамках концепции А. И. Першица и Х. М. Думанова. Оригинальное антропологическое исследование позволило ученым сформулировать определение понятия первичной поведенческой единицы – мононормы, что положило начало мононорматике и так называемому начальному праву. Так, А. И. Першиц и Х. М. Думанов дают следующее определение

понятию «мононорма»: «...недифференцированное, синкретное правило поведения, которое не может быть отнесено ни к области права, ни к области нравственности с ее религиозным сознанием, ни к области этикета, так как соединяет в себе особенности всякой поведенческой нормы» [5, с. 98]. Следует обратить внимание на тот факт, что, подчеркивая недифференцированность первоначальных поведенческих норм, указанные авторы тем не менее пытаются определить их правовую или морально-нравственную доминанту, проводя грань по характеру санкций, наступающих при совершении того или иного деяния. По их мнению, правовые санкции обычно жестче санкций, следующих за нарушением моральной нормы [5, с. 98]. С указанным соображением согласиться трудно. История знает большое количество случаев, когда моральные нормы (установленные обществом или отдельной социальной группой) значили для человека больше, нежели правовые (установленные государством), причем речь идет не об исключениях из общего правила, а о целом мировоззрении конкретного народа, социальной группы. Хрестоматийным примером в данном случае является морально-этический кодекс самураев – бусидо (яп. «путь воина»). Самураи имели особый статус в обществе, у них были своя философия жизни и свой кодекс чести. Воин, воспитанный в духе бусидо, сам осознавал свои обязанности по отношению к господину, сам оценивал свои действия и сам наказывал себя в случае нарушения долга [1, с. 40]. Неверность господину, собственному слову, неточность в выполнении поставленной задачи или приказа – все это могло уязвить честь самурая. Зачастую, при отсутствии установленной законом правовой нормы, самурай сам подвергал себя наказанию за совершенное, как ему казалось, недостойное деяние, причем наказание это всегда выражалось

в форме ритуального «самоубийства» – сеппуку. Указанный пример не является единственным, однако представляется вполне достаточным для обоснования ошибочности такого способа разграничения правовых и моральных начал в конкретной поведенческой норме.

Наиболее убедительным, по мнению авторов, является подход, при котором правовые и моральные нормы разграничиваются исходя из сферы общественного регулирования. По мнению Б. А. Кистяковского, «право не может быть поставлено рядом с такими духовными ценностями, как научная истина, нравственное совершенство, личная святость. Значение его более относительно, его содержание создается отчасти изменчивыми экономическими и социальными условиями» [6, с. 109]. Другими словами, назначение права заключается в нормативном обеспечении постоянно изменяющихся экономических и социальных отношений и урегулировании таких изменений посредством установления со стороны власти общеобязательных формально определенных правил поведения. Немаловажным является тот факт, что право выступает, по словам Б. А. Кистяковского, «единственной социально дисциплинирующей системой» [6, с. 109]. С помощью данных критериев не составляет труда установить правовую доминанту в социальных нормах, существовавших задолго до возникновения права. Так, например, у бедуинов Аравии в их родах-калибах пастбища находились во владении родоплеменных групп, однако в засуху или при других чрезвычайных обстоятельствах им дозволялось пользоваться землями соседних племен [5, с. 99]. В Новой Гвинее папуасский юноша получал право иметь ребенка не раньше, чем он принесет голову человека из соседнего племени, предварительно узнав его имя, потому что число имен строго лимитировалось [2, с. 414]. Приведенные выше поведенческие нормы имеют ярко выраженное социально-экономическое назначение. Даже сам факт причинения смерти другому человеку при определенных жизненных обстоятельствах (ограниченная территория проживания, недостаток пищи вследствие неэффективных способов земледелия) не только не осуждается, но и признается всеми членами общества как единственно возможное поведение.

Совершенно иную сферу регулирования занимает мораль, а следовательно, и моральные

нормы. По мнению Г. Н. Гумницкого, мораль представляет собой специфическую духовную форму, сложившуюся как средство регулирования поведения личности в интересах общества [3, с. 40]. Следует отметить, что особенностью морального осознания человеком своих обязанностей перед другими людьми является то, что обязанности представляются субъекту морального сознания не как нечто навязанное со стороны, а как вытекающее из внутреннего, в первую очередь эмоционального побуждения, естественного порядка жизни [4, с. 100–102]. Включая в себя чувства, понятия, эмоции, моральная норма опирается на силу общественного мнения, формой выражения которого является оценка – одобрение или осуждение. Отсутствие реакции на нарушение моральной нормы способствует признанию нарушителя опозоренным. Так, члены одной из папуасских общин, решив убить жадного богача, поручили это деяние его собственному сыну и двум другим родственникам [5, с. 101]. Только люди, не имеющие представления о праве и присущих ему санкциях, могут убивать за жадность. Следует отметить, что само чувство жадности не влечет наступления каких-либо неблагоприятных социальных и экономических последствий для конкретной социальной группы, а, наоборот, способствует стимулированию процесса накопления материальных благ. В данном случае роль основного фактора сыграли представления членов племени о правильном и неправильном поведении, подкрепленные их эмоциональным восприятием содеянного.

Как отмечал Б. А. Кистяковский, «всякая общественная организация нуждается в правовых нормах, т. е. в правилах, регулирующих не внутреннее поведение людей, что составляет задачу этики, а их внешнее поведение. Определяя внешнее поведение, правовые нормы, однако, сами не являются чем-то внешним, так как они живут прежде всего в нашем сознании и являются такими же внутренними элементами нашего духа, как и этические нормы» [6, с. 125]. Единый источник формирования правовых и моральных норм, направленность их на регулирование различных сфер жизни общества способствуют их постоянному взаимодействию и взаимопроникновению, которое в конечном итоге формирует у индивидов специфическое поведенческое убеждение – вариант корректной оценки той или иной ситуации. Таким образом, формиро-

вание правосознания общества осуществляется путем перехода от устоявшегося, согласованного с моральными нормами и объективной реальностью правового убеждения к писаной правовой норме. Только будучи выраженными в статьях законов или примененными в жизни, правовые убеждения приобретают и внешнее существование. Данный подход покажется непонятным и противоречивым только в том случае, если под правовой нормой подразумевать не правовое убеждение, а лишь принудительное правило, установленное и санкционированное со стороны государства.

Следует отметить, что представление о правовой норме как о правовом убеждении находит свое выражение в рамках судебного прецедента, который формируется в процессе отправления правосудия. В любом обществе законодательный этап установления правовых норм следовал за судебным, поскольку зачастую эти нормы формировались путем судебных решений. Стороны, вынося спорные вопросы на решение суда, отстаивали свои интересы, но каждая доказывала свою правоту, ссылаясь на то, что на ее стороне объективная правовая норма, т. е. правовое убеждение по данному вопросу. Рассматривая дело, судья давал авторитетное определение того, в чем заключается действующая правовая норма, опираясь непосредственно на общественное правосознание. Следовательно, объективно рассматривать возникающие споры и вводить в жизнь новое право судья мог только тогда, когда ему помогало активное правосознание народа. В соответствии с доктриной романо-германской правовой семьи суд своим решением не формирует правовую норму, указанная прерогатива полностью находится в руках законодателя. Принимая во внимание существующую правовую ситуацию в РФ, следует отметить, что данная доктрина не прошла проверку временем. Роль создателя нового права сохранилась за судом, несмотря на существующую систему законодательства, дающую перевес писаному праву. Активная деятель-

ность судебных органов, в частности упраздненного в 2014 г. Высшего Арбитражного Суда, способствовала формированию правовых подходов к сложным практическим ситуациям, не имеющим отражения в действующем законодательстве. Многочисленные постановления пленумов и обзоры судебной практики позволяют не только заполнить имеющиеся правовые пробелы, но и пересмотреть применение уже существующих правовых норм, принимая во внимание изменяющийся характер общественных отношений. По мнению авторов, данная ситуация является вполне обоснованной, поскольку именно судья, как специалист в области права и выразитель народного правосознания, должен толковать писанные правовые нормы с учетом сложившихся правовых убеждений того или иного общества. Данный подход имеет и свое историческое подтверждение. Так, статья первая Швейцарского гражданского кодекса, утвержденного 10 декабря 1907 г., предписывала, чтобы в тех случаях, когда правовая норма отсутствует, судья разрешал дело на основании правила, которое он установил бы, если бы был законодателем [6, с. 125].

Вызывает сожаление тот факт, что данные подходы к сущности социальных норм доступны и понятны лишь специалистам в области философии и права. Формирование у широких общественных слоев представления о праве как о правовом убеждении способствовало бы повышению уровня общественного правосознания и, что самое главное, избавило бы индивидов от устойчивого представления о праве как о совокупности «мертвых» писанных законов, которое присуще скорее полицейскому, а не правовому государству. Остается надеяться, что судебная ветвь власти продолжит активную деятельность по формированию прецедентной системы, основываясь на складывающихся в обществе правовых убеждениях, и что упразднение Высшего Арбитражного Суда лишь вынужденная мера, способствующая скорейшему совершенствованию современной судебной системы.

Библиографический список

1. Будосёсинсю, Ю. Д. Книга самурая. Бусидо / Ю. Д. Будосёсинсю, Я. Ц. Хагакурэ, Ю. М. Хагакурэ Нюмон ; пер. с яп. Р. В. Котенко, А. А. Мищенко. – СПб. : Евразия, 2000. – 320 с.
2. Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. – М. : Эксмо, 2007. – 734 с.
3. Гумницкий, Г. Н. Основные проблемы теории морали / Г. Н. Гумницкий. – Иваново : ИвГУ, 1972. – 195 с.
4. Дробницкий, О. Нравственное сознание / О. Дробницкий // Филос. энцикл. : в 5 т. – М. : Совет. энцикл., 1967. – Т. 3. – С. 100–102.
5. Думанов, Х. М. Мононорматика и начальное право. Статья первая / Х. М. Думанов, А. И. Першиц // Гос-во и право. – 2000. – № 1. – С. 98–108. – (Юридическая антропология).

6. Кистяковский, Б. А. В защиту права / Б. А. Кистяковский // Вехи ; Интеллигенция в России : сб. ст., 1909–1910. – М. : Мол. гвардия, 1991. – С. 109–135.

7. Мамина, О. И. Правосудие в механизме правового государства: концепции и реальность : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О. И. Мамина. – Тамбов, 2007. – 208 с.

8. Сергеев, Д. Н. Конституционное правосудие в России : дис. ... канд. юрид. наук : 23.00.02 / Д. Н. Сергеев. – М., 2005. – 150 с.

9. Телегина, В. А. Правосудие как социально-правовая ценность (вопросы теории) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. А. Телегина. – Саратов, 2006. – 215 с.